

**КАРИНА
ХАЛЛЕ**

KARINA HALLE

*Sins
&
Needles*

КАРИНА ХАЛЛЕ

*Опасные
игры*

Москва
2021

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Х17

Karina Halle
SINS AND NEEDLES

Copyright © 2013 by Karina Halle

Перевод с английского *Александры Смирновой*

Х17 **Халле, Карина.** Опасные игры / Карина Халле ; [перевод с английского А. С. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113732-8

Элли Уотт всегда была пешкой в играх своей преступной семьи, но она намерена положить этому конец.

Элли уезжает в другой город и пытается начать новую жизнь, но возможность легкой наживы вынуждает ее решиться на последнюю, яркую аферу.

У Кэмдена, ее друга детства, прибыльный тату-салон, и там происходит что-то странное. Элли намерена соблазнить Кэмдена и разузнать ситуацию — благо он настоящий красавец и, кажется, согласен идти у нее на поводу.

Но не все так просто. Кэмден гораздо больше осведомлен о планах Элли, чем ей кажется. И он намерен заключить с ней необычный договор.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-113732-8 © Смирнова А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Все, чьи шрамы помогли им стать собой, —
эта книга для вас.*

Пролог

Это будет в последний раз.

Я уже это говорила. Я часто это говорила. Я говорила это самой себе, глядя в зеркало, как персонаж Де Ниро. Но я никогда этого не говорила, когда к моему горлу прижимал бильярдный кий сумасшедший украинец, одержимый идеей сделать меня своей женой.

Приятно знать, что всё бывает в первый раз.

К счастью, когда мир окрасился мутно-серым, а ноги подкосились, я нашла в себе достаточно сил, чтобы вырваться живой. Хотя судьба подарила мне всего несколько секунд агонии, пока кий давил на трахею, я сумела освободить руки и отдёргнуть этот чёртов кий. Сергей, мой несостоявшийся муж, не был коротышкой, но у меня были длинные руки, и, оттолкнув его в сторону, я нащупала его яйца. Одним движением сжала их в кулаке, впилась острыми ногтями и потянула.

Сильно.

Сергей завопил, кий шлёпнулся на липкий пол, вслед за ним я. Вскочила на ноги, схватила чёртову палку и с силой ударила его по лысому кумполу, пока он стонал, согнувшись пополам. В детстве мне никогда не удавалось провести ни в одном городе достаточ-

но времени, чтобы записаться в софтбольную команду. Очень жаль — может быть, ещё одна моя профессия была бы связана с софтболом.

Может быть, даже основная профессия. Потому что с этой я не хотела иметь больше ничего общего.

Сергей застонал, как рожающая корова, и, хотя ему прилично от меня досталось, я понимала, что у меня на всё про всё лишь несколько секунд. Взяв со стола шар номер восемь, я запустила им в голову Сергея с такой силой, что у меня сжались пальцы на ногах.

В какие бы игры я ни играла, я всегда была против насилия. По счастью, и мне не причинял сильного вреда никто из тех, кто купился на мою разводку, приняв меня за непорочную невесту. Я никогда не доходила до черты, за которой остаётся только убить или быть убитой. Я достойно оборонялась. И надеялась, что и это мне пришлось делать в последний раз.

В общем, и на этот раз обошлось без убийства. Когда бильярдный шар стукнулся о голову Сергея и он с визгом рухнул на колени, я повернулась на каблуках и помчалась в женский туалет. За дверью бильярдной меня ожидали два свирепого вида мужчины, и они явно не пропустили бы меня, пока их друг корчился на полу в надежде, что его тестикулы всё ещё с ним.

В туалете отвратительно пахло плесенью и канализацией, и я задумалась, когда его в последний раз чистили. «Форт» был не из тех баров, какие часто посещают женщины, — для меня это должно было стать первым тревожным звоночком. Вторым — тот факт, что, когда я вошла, на меня никто даже не посмотрел. Как будто меня ждали — а когда тебя ждут в сомнительном баре в Цинциннати, ты, скорее всего, уже

на крючке. Третье, что должно было меня насторожить, — бильярдный зал находился в подвале, а на двери была чёртова туча задвижек

Но, забравшись на ржавую раковину, я обнаружила, что на квадратном окне задвижки нет. Распахнула его, высунула руки навстречу тёплому августовскому воздуху. С пальцев тут же потекла размокшая грязь — лил сильный дождь. Отлично. Ещё пара секунд, и я стану грязной женщиной.

Но как бы то ни было, грязная женщина лучше мёртвой, так что я протиснулась сквозь узкое окно и шлёпнулась на землю. Холодная, мокрая грязь тут же просочилась сквозь рубашку, измазала джинсы. Я слышала, как Сергей с громкими воплями колотит в дверь ванной.

Он был близко. Слишком близко.

Я поднялась на ноги, осмотрелась, чтобы понять, мог ли кто-нибудь меня заметить. Но возле бара было тихо, красные огоньки сияли сквозь плотную пелену дождя. Улица молчала, разлинованная «Ауди» и «Мерседесами», блестящими, как крикливая бижутерия, среди ветхих жутких зданий. Моя машина, которую мне с неохотой приходилось признавать машиной Хавьера, была припаркована в двух кварталах отсюда. Видимо, я недооценила ситуацию, но радовалась уже тому, что мои мозги сработали хотя бы в последний момент. Когда старый друг пишет тебе ни с того ни с сего и приглашает встретиться в баре среди ночи, надо быть осторожной. Плохо то, что до меня не сразу дошло — это был не друг и не любовник, а Сергей, движимый желанием отомстить.

Удостоверившись, что меня никто не видит, я как можно быстрее рванула вперёд, шаги отдавались гул-

ким холодным эхом. К тому времени как я завернула за угол и увидела свой тёмно-зелёный «Понтиак» семидесятого года, дождь уже смыл с меня всю грязь.

Я откинула с глаз мокрые пряди, посмотрела на блестящий номерной знак. Пора было его менять, и я вспомнила все номерные знаки, какие лежали в машине. Я знала, что после этого моей ноги не будет в Цинциннати, и сомневалась, что они не заметили мою машину. У меня под сиденьем лежали деньги Сергея, и я не сомневалась, что он так этого не оставит. Это следовало понять ещё из переписки. Вопрос вставал даже не о деньгах, а о том, что я его развела. Ну а чего он ожидал, когда искал девственницу на идиотском сайте знакомств?

Может быть, он намеревался продолжать охоту. Следовать за мной из штата в штат. Но, сев в машину, я поняла, что он не сможет меня найти. Я и раньше охотилась, и не только на деньги.

И никто меня не поймал.

Услышав далёкие, но злые голоса, я занервничала. Инстинкт подсказывал мне, что нужно ехать и не оглядываться, и я, к сожалению, знала — надо слушать инстинкт. Я должна была оставить симпатичную квартиру, работу в кофейне, фанатевшую от йоги соседку Карли, с которой снимала квартиру. Всё это было грустно. За шесть месяцев я успела привязаться к гибкой маленькой Карли.

Напишу ей что-нибудь хорошее, решила я и завела мотор. Машина заурчала, возвращаясь к жизни, и я рванула по улице, прочь от бара, от Сергея и его приятелей, которые наверняка метались по улицам в поисках меня.

Ничего страшного. Я привыкла убегать, у меня в багажнике всегда лежала, просто на всякий случай, новая жизнь. Новая одежда, новые водительские права, новый номер, новые шины. Как только я уеду отсюда подальше, запишусь в гостинице под новым именем. Поменяю номер. Конечно, моя машина была не самой неприметной, но я не могла с ней расстаться. Пусть даже она была не моя.

А завтра я рассчитаю бюджет. Рассчитаю, сколько продержусь, прежде чем устроюсь на нормальную работу. Рассчитаю, когда смогу сдержать своё слово и окончательно убедиться, что это в самом деле был последний раз.

Свернув за угол, я замедлила ход; машина слилась с потоком, мчавшим к реке Огайо. Свободной рукой я открыла бумажник, перебрала паспорта и права. Раз я решила начать честную жизнь, вариантов у меня не было.

Я вынула калифорнийские права на имя Элли Уотт. Надо было сменить даты и фотографию, потому что в Калифорнии я в последний раз была семь лет назад, в девятнадцать. Теперь я снова стала Элли Уотт.

Я наконец стала собой. Какое счастье.

Глава первая

Тогда

Девочка лежала на заднем сиденье ржавого родительского фургона, считая минуты и разглядывая зелёные пятна от воды, расплывавшиеся на потолке. Будь у неё мобильник, вести счёт времени было бы намного проще, тем более что у девочки были трудности с математикой. Можно было обвинить мать — во многом можно было обвинить мать — в том, что девочке всю жизнь приходилось учиться на дому, и в одиннадцать лет она всё ещё мучилась со сложением и вычитанием. Но, по мнению матери, хорошо считать требовалось только награбленное. Ну а сейчас девочка считала секунды. Прошло уже больше четырёх минут с того момента, как её родители вышли рука об руку навстречу холодным огням большого дома. Девочка не знала даже, где конкретно они находятся, знала только, что в Миссисипи. Она чувствовала запах с болот. Человек, к которому пошли родители, был, кажется, другом её матери, но девочка не была в этом уверена. Время от времени мать что-то говорила об этом Трэвисе. В последние несколько недель она часто раздражалась. В конце концов сделала несколько звонков, надела своё «особенное» платье со слишком глубоким декольте, заставила мужа влезть в костюм, затащила девочку в машину. Они отправились на обед к этому

её старому другу, и ей нужно было, чтобы девочка кое-куда пробралась, пока он развлекает гостей.

Сначала девочка возмущалась. Дело было не только в том, что она выросла и у неё появлялись свои представления о морали, не вязавшиеся с миром, который её родители давно оставили; они уже несколько лет не совершали ничего нелегального. Отец работал в казино, их маленькая квартирка в Галфпорте стала для неё домом настолько, насколько у неё мог быть дом. Родители сказали ей, что с махинациями покончено, и они постараются вести нормальную жизнь ради маленькой дочери. Во всяком случае, они так сказали.

Но у матери были свои причины, причины, которых девочка не понимала. Если этот человек, Трэвис, был другом матери, почему она решила его ограбить? Если он жил в таком роскошном доме с мраморными колоннами и фонтанами, почему нельзя было просто попросить у него денег? Ещё одна причина, по которой девочка сомневалась в словах матери. Никаким он был не другом.

Она просто отправила дочь к нему прямо в когти.

Когда время подошло, девочка медленно выбралась из машины, стараясь не выдать себя ни звуком, и, слившись с тенью дома, свернула за угол. Прислушалась, чтобы уловить жужжание камер или щёлканье датчика движения, но, к своему облегчению, ничего этого не услышала. Быстро и тихо добралась до огромного сада; подстриженная трава сияла в свете луны. Застыла за благоухающим кустом, посчитала, сколько окон сюда выходило. Нужно было через второе окно пробраться в спальню, потом выйти из неё и свернуть в первую дверь налево. Там находился сейф; код был записан стойким маркером на тыльной стороне её потной ладони.

Откуда её мать узнала пароль, девочка понятия не имела. Она давно уже перестала задавать матери такие вопросы.

Она взобралась на узкую раму замёрзшего окна. Задвижка легко поддалась, как и обещала мать.

Потом девочка будет часто вспоминать этот эпизод — свою нерешительность, луну за спиной. Будет вспоминать, что у неё был выбор, проходить через это или не проходить. Она могла убежать обратно в машину, сказать родителям, что передумала. Но страх и гордость мешали глупой маленькой девочке услышать голос инстинкта. Она тихо открыла окно и забралась в дом.

Когда она наконец вышла оттуда, её жизнь изменилась навсегда.

Сейчас

Яркое голубое небо, грубый пустынный пейзаж, бесконечный асфальт впереди.

Осталось только выбрать музыку.

Несколько дней назад в номере отеля «Колорадо» я составила так называемый «пустынный плейлист» и теперь его включила. Из колонок зазвучал «Roadhouse Blues» группы The Doors, и я улыбнулась. Тёплый бриз отбросил мои волосы назад.

С тех пор как я в Огайо опустошила толстый бумажник Сергея, прошло два месяца. Два месяца пути, два месяца мелкого вранья. Два месяца, как мои длинные, светло-рыжие от природы волосы сменил короткий чёрный боб. Два месяца, как я с трудом сводила концы с концами, но деньги всё равно кончились. Два месяца, как я стала Элли Уотт.

Два месяца, прежде чем я решила вернуться до-

мой. Скажем так, в единственное место, которое считала домом.

Мне всегда нравилась пустыня, и при виде древо-видных юкк, растущих на меловых скалистых камнях, я ощутила знакомую радость. Ту же радость, какую чувствовала, завершив очередную аферу. Такое, конечно, случалось со мной чаще, чем приезд в долину Коачелла. Аферы удавались мне хорошо. А вот быть собой удавалось гораздо хуже.

Но я выбросила всю эту ерунду из головы и завела двигатель. Кукушки-подорожники выпрыгнули из кустов мне навстречу, подняв маленькими ножками целый столб пыли, тут же осевший на морщинистый асфальт. Ни души, ни машины на много миль отсюда. Только я, и Джим Моррисон, и безграничная даль. Бесконечное небо, палящая жара, жестокое солнце, кому-то помогавшее цвести, кого-то сжигавшее. Мир, полный контрастов. Как и моя жизнь.

Под любимые хиты Calexico и музыку для сёрфа я свернула по шестьдесят второй автостраде, и наконец слева от меня показался национальный парк «Джошуа-Три». И мне пришлось остановить машину, потому что меня тошнило.

Уфф. После того как меня вывернуло наизнанку, я вернулась в машину, села на пассажирское место, прижала голову к коленям. Машина щёлкнула, остановился мотор. Я старалась глубоко дышать носом. Руки тряслись, сердце колотилось в груди, будто ища выход. Оказалось куда труднее, чем я думала. Мимо с рычанием пронеслась фура, и моя машина вздрогнула. Теперь мы обе были испуганы.

Ты сможешь, Элли, сказала я себе, и собственное имя показалось мне странным. *Никто не узнает,*